

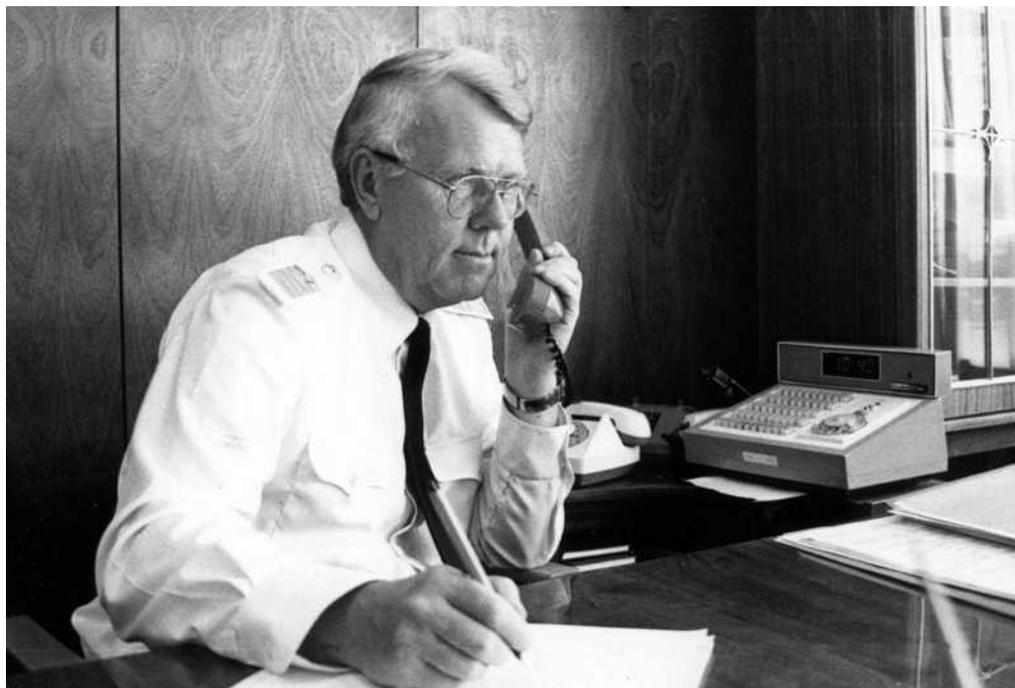
Имя Токмакова Виктора Петровича долгое время не было известно жителям Верхне-Лалья. Озвучила его заслуженная учительница Верхне-Лалья Ольга Николаевна Токмакова на одной из встреч выпускников школы. Он был её учеником. С её лёгкой руки, или слова, как кому нравится, Виктора Петровича называют Адмиралом. Воинского звания Адмирал он конечно не имел, но по табели о рангах его спецзвание в Минречфлоте соответствовало флотскому Контр-адмиралу.

Не смотря на то, что Виктор Петрович регулярно навещал Родину, о его трудовой биографии никто не знал, да он и сам не особенно акцентировал внимание на своём богатом жизненном опыте. Даже на юбилее школы в 2006 году, когда ему было предоставлено слово для выступления, говорил не о своей жизни, а о том как изменилось Верхне-Лалье за последние полвека, как его обустроить. Рассказал несколько забавных случаев из жизни земляков.

Мне тоже не известна его биография, но имеется его рукой написанная статья для книги «Министр речного флота» к 100-летию рождения Сергея Андреевича Кучкина. Текст этой статьи знакомит с некоторыми эпизодами жизни Виктора Петровича. Далее представлен текст статьи:

Вспоминает Виктор Петрович Токмаков, руководитель Центрального проектно конструкторского бюро Минречфлота в 1977 – 1999 годах.

Министр речного флота Сергей Андреевич Кучкин. Оказал очень большое влияние на мою жизнь и судьбу, а еще более значительное влияние было оказано на мою инженерную карьеру. Я всю свою жизнь прослужил на речном флоте. За годы работы в этой отрасли народного хозяйства аудиенций и прямых бесед с министром было, естественно немало. Однако регулярно участвуя в работе активов работников речного флота, присутствуя на заседаниях коллегии, а также выполняя директивные документы и приказы Министерства, считаю, что многие годы проработал под непосредственным руководством С.А. Кучина. И мне в этом повезло, потому что у него было чему поучиться.

А все началось осенью далекого 1960 года. Тогда я, молодой специалист, выпускник Ленинградского института инженеров водного транспорта, работал в порту Пермь Камского речного пароходства, занимался монтажом порталных кранов.

Но вдруг все изменилось. В один прекрасный день меня пригласили в отдел кадров порта, объявив, что я срочно должен оформить командировку и явиться в Управление кадров Минречфлота к товарищу Корепанову.

После многочисленных бесед в Управлении кадров и других подразделениях Министерства меня пригласил начальник Управления механизации портов Евгений Степанович Селезнев.

Кабинет Селезнева располагался на пятом этаже. Евгений Степанович сидел за обширным старинным столом, покрытым зеленым сукном, в кресле с подлокотниками. Внимательно

посмотрел на меня, медленным и вальяжным жестом указал мне на стул. Я робко присел на краешек. Евгений Степанович опустил локоть правой руки на подлокотник кресла, склонил на ладонь свою красивую голову и молча уставился на меня. Я начал медленно потеть всем телом, не смея даже достать из кармана носовой платок, чтобы промокнуть на лбу выступившую испарину. Наконец Евгений Степанович, видимо решив, что произвел должное впечатление, распрямился и веско произнес:

- Ну что ж, Виктор Петрович, вы нам подходите. Будем назначать вас главным инженером Уфимского порта Бельского речного пароходства.

Я хоть и знал об этом заранее от работников Управления кадров, но изобразил на лице некоторое смятение.

- Справлюсь ли, Евгений Степанович? Такая высокая и ответственная должность, не молод ли я для неё? Мне всего 24 года, производственного опыта явно не достаточно, умения командовать людьми тоже маловато.

- Ничего, ничего! Беритесь! Мы за вами давно наблюдаем, знаем, что вы инженер мыслящий, работаете инициативно, технические вопросы решаете грамотно. Ну, а опыт, он, конечно нужен, придет со временем.

Таким образом, вернулся в порт Пермь с приказом МРФ от 11 октября 1960 года № 279/Л о назначении главным инженером порта Уфа, подписанным только что назначенным министром речного флота С.А. Кучкиным.

Через несколько лет, при назначении начальником Уфимского речного порта, я удостоился личной аудиенции нашего министра С.А. Кучкина.

Беседа длилась минут 30, может 40. Конечно же, я уверен, что прежде чем принять меня, он ознакомился с моим личным делом и прекрасно знал мои анкетные данные, продвижения по службе, семейное положение и другие сведения. Однако очень важно внимательно, подробно и доброжелательно обо всем расспрашивал, проявляя живейший интерес. Однако не смотря на это, Сергей Андреевич показался мне человеком немногословным и очень сдержанным. Лицо, как правило было непроницаемым. А глаза,

наоборот – пронзительными. В заключение министр пожелал мне

успехов, сказал, что в четверг на коллегии будет рассматривать вопрос об утверждении меня в новой должности, он-де как Председатель коллегии поддержит, и в тот же день подпишет приказ о назначении. После чего тепло попрощался.

В последние годы видеть и слышать С.А. Кучкина пришлось только на официальных мероприятиях.

А жизнь и работа шли своим чередом. Мы становились взрослее, умнее и в какой-то степени хитрее, т.е. постепенно набирались производственного и жизненного опыта.

Запомнился визит министра С.А. Кучкина в Уфу в 1973 году.

- Ну вот что, дорогие товарищи, - сказал начальник пароходства срочно вызванным руководителям всех предприятий и подразделений, - у меня для вас есть наиважнейшее сообщение. На следующей неделе в Уфу, а следовательно, и к нам в Бельское пароходство приезжает министр речного флота. Программа его пребывания мне пока неизвестна, но можно предположить, что предусмотрено посещение нашего пароходства. Естественно, что приезд министра мы должны отметить трудовым подъемом и трудовыми успехами. Так что готовьтесь.

Должен сказать, что вопросы чистоты и порядка на территории и причалах у нас всегда стояли на первом месте, в этом был даже особый шик. Чистота и порядок учитывались везде при оценке работы, даже при подведении итогов соц. соревнования.

Но примчавшись в порт. Я тут же собрал у себя руководителей подразделений порта:

- Вот что, дорогие товарищи. Я только что из пароходства и должен довести до вашего сведения полученные новости. Нам оказана великая честь: на следующей неделе к нам приезжает министр речного флота Сергей Андреевич Кучкин. Конечно же, он посетит порт. Значит, так, друзья и коллеги, для наведения должного порядка у нас есть пять дней, от силы неделя. А по сему с этого момента в порту объявляется чрезвычайное положение.

В общем, подготовились мы к визиту, по-моему, нормально. И приезд министра нас врасплох не застал.

В назначенное время делегация во главе с Сергеем Андреевичем приехала в наш порт. Начальник пароходства хотел меня представить, но министр мягко его остановил: «Мы знакомы с вашим начальником порта», поздоровался со мной за руку, а я представил ему секретаря парткома Анвара Араслановича Усманова и председателя портового комитета профсоюза Темирбея Хабибуловича Теригулова.

- Ну что ж, показывайте свое хозяйство.

На грузовом районе, откуда мы начали обход порта, работа кипела во всю. Портальные краны крутились, отчаянно звеня

сигналами, авто- и электропогрузчики носились туда – сюда, непрерывно ревя клаксонами.

Когда проходили мимо Управления порта, я предложил подняться и повстречаться с людьми, на что министр ответил: «Не будем людям мешать, пусть работают. А здесь что у вас? Столовая? Вот сюда надо, пожалуй, зайти».

Сердце мое со страху ухнуло в пятки. Дело в том, что наша портовая столовая была на полном нашем обслуживании. Персонал же столовой входил в штат УРСа пароходства, административно порту не подчинялся, и воздействовать на них было сложно. Директором столовой была Роза Камиловна Зубаирова, молодая, невысокая, красивая женщина, но с очень твердым характером, с которой у нас были постоянные конфликты. Поэтому показывать столовую начальству мне не очень хотелось. Но с начальством не поспоришь.

Вошли. Я в душе ахнул, такого шока не испытывал ни до, ни после. Обеденный зал столовой блестел, как парадный банкетный зал «Метрополь». Обеденные столы накрыты белоснежными скатертями, вероятно, взятыми на время на базе пароходных ресторанов. На каждом столе – ваза с букетом полевых цветов. На окнах шторы с башкирским орнаментом.

Буфетчица в башкирском национальном костюме стоит за своим прилавком, заваленным беляшами и другой выпечкой. Тут же пытит самовар, настоящий, на углях, на конфорке которого – большой заварочный чайник. Рядом вазочки с башкирским медом разных сортов. Роза Камиловна в белой, накрахмаленной до хруста куртке с моднящей, какой-то немыслимой прической на голове, кинулась ко мне, как будто больше никого и не было:

- Товарищ начальник порта! Столовая занята приготовлением обеда для смены работающих! Прошу согласовать меню.

- Спасибо, Роза Камиловна, полагаюсь на ваш вкус и вашу кулинарную квалификацию. Только я здесь не один. Нашу столовую посетил министр речного флота Сергей Андреевич. А это - Роза Камиловна Зубаирова, директор портовой столовой.

Сергей Андреевич вежливо с ней поздоровался, а Роза тут же нашлась:

- Товарищ министр! Не угодно ли снять пробу с наших блюд!

Сергей Андреевич чуть улыбнулся:

- Спасибо, Роза Камиловна, полагаюсь, как и начальник порта, на ваш вкус и квалификацию.

- Тогда, товарищ министр, выпейте хотя бы чашку чая с башкирским медом или еще лучше попробуйте башкирского кумыса!

Глаза сопровождающих лиц вожделенно заблестели, а Сергей Андреевич, видимо решил не огорчать Розу:

- Ну, разве что по чашке чая с башкирским медом.

Сопровождающие лица, правда, налегли на кумыс.

- Ну что ж, спасибо, Роза Камиловна, чай был очень хорош, а у нас есть еще дела, загостились мы у вас.

Мы с Усмановым и Терегуловым проводили гостей к автомашинам у железнодорожного переезда, где министр попрощался с нами за руку:

- Ну что ж, товарищи, желаю вам успехов!

А с директором столовой Розой Зубаировой с того дня у меня установилась крепчайшая неразрушимая дружба и взаимное, всеми видимое уважение и доверие.

Через год, в середине следующей навигации, мне была настоятельно предложена новая работа и весьма высокая должность главного инженера Главного управления портов Минречфлота.

Прежде всего мне была опять назначена аудиенция у министра. Он принял меня в своем кабинете, очень приветливо и внимательно. Расспросил, как дела в порту, как работают и живут знакомые ему секретарь парткома Усманов и председатель профсоюза Теригулов. Я подробно ответил на все вопросы, добавив от себя, что директор столовой Зубаирова по-прежнему работает очень активно, правда кумыса в столовой больше не предлагает. Это вызвало у Сергея Андреевича мимолетную улыбку. А затем начался разговор о новой работе.

Так что я совершенно неожиданно для портовиков и для пароходства вернулся в Уфу в совершенно новом качестве – руководящим работником Минречфлота.

Однако поработать главным инженером главпорта удалось недолго. Меня вновь пригласили на прием к министру.

Сергей Андреевич встретил меня очень приветливо. Разговор начался с его вопроса:

- Ну как, привыкаете к новой работе? Как устроились в Москве? Как семья?

- Спасибо, товарищ министр. Все очень нормально. Нет вроде бы никаких больших проблем. В Москве жить и работать интересно, только город уж больно дорогой. Так что материально в Уфе легче жилось, несмотря на более низкую должность.

- Вот, для этого я вас и пригласил. Хочу предложить вам другую работу. Вы знаете, что у нас есть Центральное проектно-конструкторское бюро Минречфлота (ЦПКБ) с подчиненным ему опытно-экспериментальным заводом (ОЭЗ). Солидная организация, в основном портового назначения, с крепкой промышленной базой. Совсем недавно в Москве, в Ногатинской пойме закончено строительство и принят в эксплуатацию комплекс производственных зданий и сооружений ЦПКБ и ОЭЗа. А там руководителя нет! Вот я и предлагаю вам должность начальника ЦПКБ со всеми его заботами.

Таким образом, судьба моя по воле Сергея Андреевича Кучкина сделала очередной шаг, и я загремел на новую должность и новую совсем непростую работу.

Сейчас, по прошествии стольких лет, вспоминая свои встречи с Сергеем Андреевичем Кучкиным, могу сказать, что мое мнение о нем и большое уважение к нему как к талантливому руководителю отрасли народного хозяйства не изменилось. Он был очень сдержанным человеком, даже улыбка редко появлялась на его лице. Он был очень не многословен, но цену своим словам знал.